

Ольга ХРАБРЫХ

■ Писатель рассказал о замысле своего нового романа «Попович», встрече с авантюристом в церковной рясе и связях с Беларусью.

СХЛЫНЕТ ПЕНА ФАРИСЕЙСТВА

Так можно назвать новую книгу Сергея Шаргунова «Попович». Роман стал лауреатом премии «Большая книга» и снискал восхищение читателей и критиков. Он рассказывает о сыне священника Луке Артоболевском, который переживает кризис взросления и, не найдя поддержки среди близких, сбегает из дома. Ключевую роль в судьбе Луки играют три служителя церкви: его папа - отец Андрей, монах Авель и отец Демьян.

Произведение повторяет сюжет «Возвращения блудного сына» Рембрандта. Да и Шаргунов живописует действительность в семействе священнослужителей аккуратными мазками, словно маститый художник. Он и сам родился в семье священника, преподавателя Московской духовной академии Александра Шаргунова.

Быть может, писатель сравнивает себя с главным героем? И как возник замысел романа? На эти вопросы Сергей Шаргунов ответил на книжном фестивале «Красная площадь».

- Я вообще думаю, что когда-нибудь этот роман будут воспринимать как христианский, особенно когда схлынет пена фарисейства. Хотя и сейчас многие духовные лица выражают мне благодарность. Это роман о поиске себя, своего пути. Возможно, это в чем-то картина лесковского православия. Мне хотелось написать книгу, которой не было и в XIX веке, - отметил Сергей Шаргунов. - Очень важно писать несезонно, не для лонг- или шорт-листов, не для того, чтобы произведение переживало те или иные премии, ту или иную моду, те или иные ярмарки. А дальше желательно, чтобы к нему возвращались. Если ты серьезно относишься к своему делу, достаточно написать одну книгу, но так, чтобы она жила и оставалась.

ИСКУССТВО ПЕРПЕНДИКУЛЯРНО ОЖИДАНИЯМ

- Как возник замысел романа?

- Сначала я хотел создать эссе о поповиче. А потом задумал написать целую книгу, как жили поповичи, кем они становились, вспомнить Чернышевского, Шаламова, сопроводить это своими наблюдениями.

А потом стал сочинять рассказ. И написал рассказ, по моему, очень удачный, затем он вышел в «Новом мире», в сборнике. Отталкиваясь от этого, я стал думать, что делать дальше. И моя жена сказала мне: «Слушай, ты же прекрасно знаешь эту тему».

И так я стал писать, первую главу написал легко и просто, прямо с ходу. А потом немножко забуксовал, начал думать, что же будет происходить дальше. У меня не было ни плана, ни сюжета романа. Мне просто захотелось написать об этом человеке.

Сергей ШАРГУНОВ:

СО МНОЙ СЛУЧАЛИСЬ ЧУДЕСА, КАК В КНИГЕ

Только человек посвященный
может объективно рассказать
о жизни духовенства.

Автор попытался
представить в романе
реальную картину,
а не лубочный вымысел.

Персонажи возникли сразу: и брат Луки Тимоша, и трехцветная кошка Чича. Все это подсмотрено в разных семьях.

Названия романа менялись. Оно могло быть «Лука». А жена мне советовала название немножечко кафедральное - «Апостол». Но название «Попович» тоже было.

А у моего товарища, режиссера Александра Велединского, есть русское и где-то даже похорошему провинциальное чутье на хлесткость. Недаром он автор таких фильмов, как «Русское», «Живой». «Попович - грубое название, бери его», - сказал он. «Мне тоже нравится», - ответил я.

Но когда я говорил об этом названии редакторам, это многих смущало. У незнающего человека оно вызывает секундное недоумение. Но тем оно и прекрасно, потому что, как мне кажется, искусство всегда перпендикулярно ожиданиям. Именно поэтому, я надеюсь, это не просто сезонная книжка.

■ Ждать ли экранизации?

- Кино - прекрасный, но при этом грубый и другой язык, там свои ходы, должна быть своя концепция. Все-таки в литературе возможны бесконечные полуходы, полутона и недоговоренности - то, что мне так дорого.

А если бы я выстраивал роман как сценарий, конечно, я бы многое докручивал.

В литературе важна асим-

ТРИ ЛИКА ЦЕРКВИ

- Критики говорят, что в своем произведении вы упоминаете три вида православия...

- Некоторые говорят про три лика церкви, которые присутствуют в романе. На самом деле я люблю своих священников-героев, и мне не хотелось ни сусальности, ни того, что называют очернительством. Но было приятно и естественно показать их живыми людьми.

Неофитство отца Андрея, его чистоту и жар человека, пришедшего к вере, и его жесткость, во многом интеллигентную, его принципиальность.

Отец Авель - фигура странника. Однажды к моему другу подошел «отец Авель» и дал свою визитку. И товарищу показалось, что он будто сошел со страниц романа. Даже внешность этого человека напоминала внешний облик моего персонажа.

А вот отец Демьян - это праздничное, отчасти языческое, а на самом деле такое детское верование в сторону Руси. Все это дорого для меня. И мне важно писать об этом честно. Пусть думают как угодно, но литература и состоит в такой свободе.

- Как придумывали имена своим героям?

УВИДЕЛ ПЕРСОНАЖ В ПОПОВИЧЕ ЛУКУ

■ И научился быть интровертом и экстравертом.

- Ассоциируете себя с Лукой?

- Да, но лишь отчасти, потому что я гораздо более волевой и напористый, чем Лука. Но своему персонажу очень сочувствую. Вчера, например, у памятника Пушкину ко мне подошел один попович. И я в нем увидел Луку. Он врач, у него свой путь, но в нем есть вот эта растерянность и потерянности, и романтизм, и прекраснодушие. Ему сорок лет, но он еще не обзавелся семьей. А я научился быть одновременно и интровертом, и экстравертом. Многое бралось из себя. Но из себя бралось для всех героев.

- В книге вы описываете, что в семье Артоболевских не отмечался Новый год. А как на счет вашего семейства?

- Вы знаете, я в какой-то момент добился детским скандалом, чтобы мы отмечали гражданский Новый год. И уже с достаточно раннего возраста, наверное, лет с одиннадцати я праздновал его с родителями. Даже помню, как мне давали окунуть язычок в шампанское.

Всегда готовился к празднику, писал стихи родителям.

- Я никогда не думал, что значат все эти имена. Здесь была скорее художественная интуиция. Имя Демьян было интуитивным, как нечто такое народное. Что касается Авеля, я ввел его, потому что знаю такой типаж - искусителя и авантюриста.

Однажды я пошел в храм на Большой Ордынке и обнаружил за трапезой монаха в рясе, заштопанной лиловыми нитками, и с черно-белой бородой. Это было у моего папы в храме. Я спросил: «Откуда он?» Мне ответили, что из самых опасных мест и ему помогают. Я заинтересовался: «Вы не думали спросить у него паспорт?» Я сказал это только по той причине, что у меня возник этот Авель в романе. Появился из жизни, из разных впечатлений еще по 90-м годам. Помню, как при входе на Красную площадь сидел некий монах-странник с синяком под глазом. И было видно, что это во многом авантюрист.

Я рассказал об этом папе и маме. После этого его сдуло ветром нашей прекрасной русской жизни. И он отправился дальше, быть может, искать пропитание, впечатления по извилистым русским дорогам.

БАНДИТ НАПАЛ В ПОДВОРОТНЕ

метрия честной жизни, в которую я верю. И в моем романе есть ненавязчивое чудо, и оно у меня в жизни бывало несколько раз - когда вдруг ты вырвался из лап какого-то бандита или безумца. Например, в детстве меня несколько раз пытались похитить маньяки. Или однажды я подражал с пьяным тучным человеком. И долбанул его бутылкой, так же, как Лука Авеля.

А в Питере в подворотне на меня набросился бандит. И я подумал, что был спасен молитвами своего отца. Через минуту мимо проезжал патруль с автоматами, и они бросились именно в эту подворотню. Вот поневоле подумаешь о чуде... Когда я писал о чуде Луки, я тоже вкладывал все это в себя.

- Что связывает с Беларусью?

ВОСПОМИНАНИЕ

- Елена Побяржина - замечательная писательница, была у меня в передаче «Открытая книга». Мы с ней отлично побеседовали.

Я желаю многообразия, разнообразия всем людям, живущим в этой чудесной стране.

- Вы часто там бываете?

- Стараюсь. Надеюсь побывать снова и представить свой роман.